

Изъ исторіи Тамбовской епархіи.

I.

Съ 1788 года по 1811 года Тамбовской епархіей управлялъ епископъ Теофилъ. Своими высокими внутренними качествами и характеромъ административной дѣятельности этотъ архипастырь рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ тамбовскихъ архіереевъ. Для своего времени хорошо образованный, энергичный, съ твердымъ характеромъ, Теофилъ, вступивъ на Тамбовскую кафедру, сумѣлъ поднять и оживить всѣ стороны церковной жизни Тамбовскаго края. Самъ человекъ учительный, онъ располагалъ и подчиненное ему духовенство проповѣдывать съ церковной кафедры; изъ тамбовскихъ епископовъ первый обратилъ серьезное вниманіе на образованіе кандидатовъ священства; требовалъ, чтобы духовенство учило своихъ дѣтей въ духовной семинаріи, для которой онъ не жалѣлъ ни своихъ трудовъ, ни собственныхъ средствъ; неустанно и зорко слѣдилъ за правомѣрнымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ консисторіи; заботился о благолѣпнн церковнаго богослуженія не только въ городахъ и монастыряхъ, но и въ селахъ; часто ѣздилъ по епархіи для личнаго знакомства съ церковной жизнью на мѣстахъ. Во все Теофилъ вникалъ, всюду вводилъ порядокъ и вносилъ живую иниціативу. Достойныхъ дѣятелей изъ духовенства онъ поощрялъ, а лѣнливыхъ и порочныхъ каралъ безъ снисхожденія.

Особеннымъ вниманіемъ и любовью преосвященнаго пользовались монашествующіе. Монашеству Теофилъ придавалъ большое значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа. И, любя этотъ институтъ, онъ со всей строгостью требо-

валъ, чтобы жизнь монашествующихъ вполнѣ отвѣчала ихъ назначенію. Монастыри, по мысли преосвященнаго, предназначены для жизни однихъ „избранныхъ“. „Если въ монастыряхъ не будутъ избранные, — говорилъ онъ, — а одни званые какими-нибудь судьбами, то какая отъ нихъ будетъ польза. Плохой монахъ ни къ чему не будетъ потребенъ, но, по Евангелію, токмо да изсыпанъ вонъ“.

Изъ двѣнадцати монастырей, бывшихъ въ вѣдѣніи Теофила, только въ трехъ пустыняхъ—Саровской, Санаксарской и Скановой находилъ онъ внутреннюю жизнь хорошей; остальные же обитатели, по его мнѣнію, далеки были отъ совершенства.

Письма епископа Теофила, сохранившіяся въ одномъ изъ монастырскихъ архивовъ, даютъ возможность представить отрицательныя стороны жизни монастырей его времени и отношеніе къ нимъ преосвященнаго автора.

II.

Прежде всего надо замѣтить, что по отношенію къ лицамъ, нарушающимъ монашескіе обѣты, преосвященный былъ строгъ и каралъ безъ снисхожденія. „Я сколь люблю монашество, — говорилъ онъ, — столь намѣренъ вооружиться противъ тѣхъ, кои не помнятъ и не исправляютъ обѣта монашескаго; и какъ скоро таковыя окажутся, тотчасъ буду требовать, чтобы они подавали прошенія объ увольненіи себя изъ монашества, дабы таковыя шелудивыя овцы не вредили безславіемъ избранное стадо монашеское“. Хотя на дѣлѣ эту угрозу Теофиль не часто примѣнялъ, однако, порочныхъ монаховъ онъ не щадилъ и наказывалъ безъ милосердія, имѣя въ виду не только исправить провинившихся, но и „для страха другимъ примѣръ сдѣлать, а иначе, — замѣчалъ онъ, — монастыри передѣлаются въ вертепы разбойниковъ“.

Изъ пороковъ, которыми часто страдала братія нѣкоторыхъ монастырей, особенно выдѣляется пьянство. Последнее, кажется, болѣе всего было развито въ Трегуляевомъ монастырѣ. Расположенный вблизи Тамбова, онъ наиболѣе сильно подвергался вліянію городской жизни. Пьянственный порокъ здѣсь свилъ прочное гнѣздо и постоянно поддерживался, благодаря тому, что сюда ссылались пьяницы-монахи изъ другихъ обителей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда монахъ, благодаря своей склонности къ вину, становился не выносимъ въ какомъ-либо монастырѣ, Теофиль обыкновенно совѣтовалъ такому уйти въ дру-

гую епархію, замѣчая, что „у меня негдѣ ему быть болѣе, кромѣ Трегуляева монастыря“. И въ этой обители подъ вліяніемъ вина совершались такія печальныя явленія, какъ самоубійство монаховъ. „Недавно, — пишетъ преосвященный, — въ Трегуляевѣ іеромонахъ Германъ въ кельѣ повѣсился и предалъ себя вѣчному суду. Вотъ плоды хмеля!“ Но въ 1800 году до слуха Теофила доходитъ вѣсть, что и въ Саровской пустыни среди монаховъ начинается употребленіе спиртныхъ напитковъ. Преосвященный немедленно шлетъ строителю Исаіи ордеръ, въ которомъ внушаетъ, какъ можно, скорѣе припятъ мѣры „къ прекращенію этого порока и къ приведенію обители въ то благое состояніе, какое было при покойномъ строителѣ Пахоміи“. О. Исаія обѣщала „всемѣрно стараться общебратственно то зло и всякій соблазнъ искоренить“. „Слава Богу, — заключаетъ Теофилъ, — тако дѣйствующему Своею благодатію въ сердце вашемъ. Да воздѣйствуетъ Онъ тако и всей вашей любезной братіи“. Преосвященный обѣщала покрыть своей любовью случившееся въ Саровѣ въ той надеждѣ, что монастырское начальство постарается общими силами „не навлекать на обитель такихъ пороковъ, а главный пьянственный, который не только предъ очами Божиими, но и предъ очами монаршими есть мерзокъ и всегда отвращаемый“. „Вы можете, — пишетъ онъ, — сами признаться, коль грустно смотрѣть на пьянаго мужика деревенскаго, такъ сносно ли смотрѣть на чернеца, видомъ святыни покрытаго, и не погребеннаго мертвеца, хмелемъ зараженнаго. Это есть чучело изъ чучель, въ свѣтѣ наиужаснѣйшее!“ „И же, — замѣчаетъ онъ въ другой разъ, — никогда не успокоюсь, ежели подобныя прежнимъ слухи будутъ до меня доходить. Я знаю и понимаю мой долгъ и званіе и что требуется отъ меня. А потому паки молю васъ всемѣрно святому вашему мѣсту святостью елико возможно, соотвѣтствовать и прошу васъ ни капли хмельныхъ напитковъ не допускать до обители и не представлять смѣшного и поруганія достойнаго извиненія, будто бы вино потребно для больныхъ. Еще въ свѣтѣ не слыхано ни аптекъ, гдѣ бы вмѣсто лекарства вино продавали, ни докторовъ, которые бы предписывали виномъ лечиться, которое, влущенное въ желудокъ вмѣсто лекарства, душѣ дѣласть язву, а тѣло совсѣмъ расслабляетъ. Вотъ вино, что дѣйствуетъ, яко орудіе ко всякому злу! И демонъ, губитель человѣческихъ душъ, лучшаго орудія, какъ вино, противъ насъ не имѣетъ“.

Что касается средствъ воздѣйствія на недугующихъ сла-

бостью къ вину, съ цѣлью исправленія ихъ, то преосвященный Теофилъ выработалъ и предложилъ монастырскимъ настоятелямъ и настоятельницамъ для примѣненія въ жизни цѣлую систему нравственныхъ мѣръ, которыя должны были направить слабыхъ на правый путь. При чемъ онъ рекомендовалъ имъ въ борьбѣ съ этимъ порокомъ прибѣгать даже къ фискальству. Система эта подробно изложена въ опредѣленіи Теофила, разсланномъ по всѣмъ монастырямъ епархіи въ 1801 году. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Преосвященный узналъ, что во многихъ его монастыряхъ не только мужскихъ, не даже въ женскихъ, распространяется новая доселѣ обителямъ чуждая страсть, именно куреніе табаку. Онъ возмущенъ духомъ и пишетъ грозное наставленіе монашествующимъ. „Къ довольному прискорбію нашему извѣдали мы, что не только бѣлые священно-церковно-служители, но и монашествующіе упражняются въ злой привычкѣ къ табаку и къ вещи, приличной только свѣту. Кто же не вѣдаетъ, что, 1-ое, монахъ есть непогребенный мертвецъ, который и по присягѣ своей предъ Богомъ и предъ людьми и по виду своему долженъ мертвъ быть ко всѣмъ слабостямъ міра, а паче къ соблазну его; 2-ое, что монахъ своей собственной волей избралъ уединенную жизнь; такъ не беззаконно ли ему сообщаться съ обычаемъ обращающихся въ міръ людей? 3-е, что монахъ почитается и долженъ почитаться по жизни своей примѣрнымъ въ христіанскомъ обществѣ; такъ пристойно ли ему упиваться табакомъ, отъ котораго, кромѣ соблазна для многихъ непорочныхъ свѣтскихъ людей, никакой пользы ему быть не можетъ, которую вмѣсто табака ему можетъ учинить совершенный постъ и молитва; 4-ое, что монахъ въ ближайшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ почитается не только царскимъ, такъ какъ питается его хлѣбомъ, но и всего общества богомольцемъ; поелику единственно за единое тое отъ него покровительствуется и уважается; такъ можно ли быть монаху истинно расположеннымъ богомольцемъ, когда мозгъ его забить табачными парами, которые наклоняютъ его болѣе ко сну и къ праздникамъ, безполезнымъ мыслямъ, нежели къ собранію мыслей и въ чистотѣ предстоять Богу? Сіе уважая, благоговѣйный монахъ можетъ укрощать самъ себя и пребыть въ пристойномъ благоустройствѣ и въ подражательной жизни“. Для исправленія порочныхъ преосвященный предписывалъ, чтобы начальники монастырей завели „цензоровъ или смотрителей, явныхъ и потаенныхъ, которые бы испытывали и всячески извѣдывали, не имѣетъ ли

кто изъ монашествующихъ или послушниковъ склонности и привычки къ табаку или къ хмелю, и ежели кто таковой окажется, то, первое, кротко и благоразумно увѣщевать его именемъ Бога и Христа Его, всесильная благодать Котораго можетъ отвратить его отъ соблазна и злого навыка; потомъ, ежели не укротится, увѣщевать при всемъ братствѣ, обще, въ церкви или трапезѣ; ежели же и затѣмъ не уймется, то опредѣлять такового въ монастырскіе труды, особенные противу другой братіи, а иногда переводить таковыхъ въ кельи, худшія, противу непорочныхъ, и понижать мѣстами какъ въ церкви, такъ въ трапезѣ, а иногда и совсѣмъ трапезы лишать. Сверхъ того, таковыхъ, въ которыхъ сей навыкъ примѣчается, къ посвященію въ іеродіаконы и іеромонахи отнюдь не представлять. Наконецъ, ежели за всѣмъ тѣмъ, кто окажется непреклоненъ отстать отъ такового злого навыка, о таковомъ намъ лично представлять, со описаніемъ обстоятельствъ его упорства; и тогда мы для такового будемъ сыскивать мѣры такія, какія и поневолѣ внушатъ ему склонность отстать отъ злой привычки". Архипастырское наставленіе о курящихъ предписано было во всѣхъ монастыряхъ разъ въ мѣсяцъ прочитывать въ трапезѣ въ присутствіи всей братіи.

III.

Особенно много хлопотъ причиняли какъ преосвященному Θεофилу, такъ и монастырскому начальству „подначальные“, нравственно испорченные монахи, которые для исправленія посланы въ лучшіе монастыри. Такъ никогда такіе монахи не переводились въ Саровъ. Сюда посылали ихъ Синодъ, Московская синодальная контора и епархіальные архіереи. „Скажу вамъ мысли Святѣйшаго Синода о вашей пустыни, — пишетъ Θεофилъ въ Саровъ; онъ такъ думаетъ, что пустынь ваша служить образцомъ монашеской жизни, и для того де къ вамъ порочныхъ посылать должно, чтобы научились по-вашему жить“. „Дѣло въ свѣтѣ великое, — замѣчаетъ онъ, — если человѣку предстоитъ хорошій примѣръ жизни, какового въ вашей пустыни нѣтъ недостатка, по общерусской пословицѣ „влетѣвши между воронъ, надо такъ и жить, какъ они“. Консисторія также ни гдѣ, кромѣ Сарова, не находила лучшаго въ епархіи мѣста для исправленія провинившихся какъ по множеству тамъ людей, такъ и по отдаленности монастыря отъ мѣсть, могущихъ служить развратомъ“. Много „подначальные“ монахи вносили со-

блзана въ живнѣ обителей, не мало и доставляли огорченій настоятелямъ. Отсюда понятно, что монастырскіе настоятели часто просили епархіальнаго преосвященнаго избавить ихъ обители отъ „подначальныхъ“ людей. Но Теофилъ не въ состояніи былъ всегда исполнять ихъ просьбы. „Буду стараться“, — пишетъ онъ на подобное ходатайство саровцевъ, — просьбѣ вашей удовлетворить. Но куда мнѣ этихъ безпутныхъ шалуновъ дѣвать? Не могу прибрать мѣръ, ибо и другіе монастыри ими переполнены. Вы скучаете, что не можете упасти своего стада, а поэтому и можете уважить, каково-то мнѣ пасти свое стадо“. Преосвященный слишкомъ вѣрилъ въ силу и мощь Саровской обители по части исправленія порочныхъ монаховъ. „Вы гуртомъ своимъ сумѣете ихъ угомонить“, — говорилъ онъ саровцамъ. „Со вѣтую со псалмопѣвцемъ не бояться страха, идѣже нѣсть страха, — писалъ онъ саровцамъ въ отвѣтъ на ихъ опасеніе, какъ бы опредѣленный къ нимъ „подъ начало“ іеромонахъ Іоанникій не возмутилъ братіи; — я увѣренъ, какъ и прочіе, что ваша обитель состоитъ въ благомъ учрежденіи и все ваше стадо единомысленно и единодушно; слѣдовательно, одному Іоанникію у васъ противодушно дѣйствовать трудно. Я съ тѣмъ его къ вамъ и опредѣлилъ, чтобы онъ у васъ научился жить въ союзѣ любви братіи и познавать себя въ сущей монашеской должности, чему если онъ у васъ не научится, то я его почту уже сущимъ буяномъ“. — Посылались для исправленія въ монастыри и бѣлые священно-церковно-служители. Такъ въ 1807 году въ Саровскую пустынь былъ сосланъ тамбовскій священникъ Илья, страдавшій порокомъ пьянства. „Сей хотя и падохъ къ вину, — писалъ о немъ Теофилъ, — но, кажется, надеженъ къ исправленію, наипаче потому, что онъ человѣкъ ремесленный, столяръ; если занять его симъ ремесломъ, которое и для обители не бесполезно будетъ, то и мысли его могутъ направиться къ лучшему, и черезъ то онъ можетъ прекратить привычку къ вину“. — Во времена Теофила были въ Тамбовскихъ монастыряхъ „подъ началомъ“ и лица, занимавшія болѣе или менѣе высокое положеніе въ русской церкви. Такъ въ 1801 году въ Саровѣ проживалъ бывший ректоръ Рязанской духовной семинаріи, архимандритъ Евграфъ, присланный сюда для исправленія Святѣйшимъ Синодомъ. Намъ не извѣстно, въ чемъ заключалась вина о. Евграфа, приведшая его съ административнаго поста „подъ начало“ въ пустынный монастырь. Синодальный указъ предписывалъ смотрѣть за нимъ „прилежно и строго“. Интересно, что преосвященный Теофилъ склоненъ былъ

къ нѣкоторой снисходительности по отношенію къ опальному архимандриту, котораго онъ находилъ способнымъ къ исправленію. Препровождая о. Евграфа въ Саровъ, Теофилъ пишетъ настоятелю: „Я надѣюсь, что вы не оставите употребить такое ваше благоразуміе, которымъ и, его испытавши въ жизни, будете имѣть возможность безъ досады его спокойствіе соблюсти, и себя оградить въ томъ, чтобы во время вашего о немъ, по окончаніи епитиміи, свидѣтельства, не оставить для себя худыхъ и опасныхъ слѣдствій. Мнѣ кажется, что онъ человѣкъ и самъ благоразумный и искренній; къ своему благополучію постарается и васъ и себя сохранить впередъ отъ искушенія. Одинъ Богъ безъ грѣха. Для того исправляя брата, по повелѣнію Его, духомъ кротости, должно помнить, что и мы искушеніямъ, иногда и нечаянно, подвергнуться, яко человѣки, можемъ“.

Особнякомъ отъ порочныхъ монаховъ, которые такъ обычны въ каждой обители, стоитъ личность саровцевъ о. Палладія (Лаврова), тоже далеко не покойнаго члена монастырскаго братства. Человѣкъ болѣе или менѣе образованный, будучи уже въ чинѣ подпрапорщика, онъ въ 1778 году принимаетъ въ Саровѣ монашество и такимъ образомъ оказывается въ обществѣ людей съ горячей вѣрой, но по уму простецовъ.—Обуреваемый всякаго рода сомнѣніями, онъ въ окружающихъ людяхъ не находитъ себѣ помощи для рѣшенія разныхъ занимавшихъ его душу вопросовъ. Наоборотъ, монастырская жизнь даже часто давала ему матеріалъ для развитія его, и такъ односторонне критически настроеннаго ума. Въ результатѣ получился рѣзкій обличитель, недовольный сложившимися формами церковной и общественной жизни. Свой публицистическій талантъ о. Палладій сталъ проявлять въ писаніи обличительныхъ бумагъ, которыми засыпалъ Святѣйшій Синодъ. Преосвященный Теофилъ съ своей стороны по отношенію къ нему принималъ нѣкоторыя мѣры нравственнаго вразумленія, лично писалъ ему, но безуспѣшно. Палладій все продолжалъ свою публицистическую дѣятельность, крайне компрометирующую Саровскую обитель въ глазахъ высшаго правительства. Тогда Теофилъ рѣшилъ примѣнить къ нему суровую кару, чтобы хотя страхомъ наказанія удержать его отъ писанія бумагъ. „Смирите его,—въ 1792 г. внушаетъ преосвященный саровцамъ,—тюрьмою, содержа его на хлѣбѣ и водѣ черезъ двѣ недѣли, или велите ему два дня при трапезѣ и два дня въ церкви на обѣдняхъ полагать по пятидесяти земныхъ поклоновъ, ибо въ монашескомъ, а паче

въ общежительномъ чинѣ монахи должны бросить всѣ свои привилегіи мірскія и въ молчаніи и кротости пребыть до смерти; если же и за симъ пребудеть непреклоненъ къ монашескому благоговѣнію и не уважить того мирнаго пропитанія, какое онъ въ обители имѣетъ съ приобщеніемъ добраго примѣра спасенія души, то оставить ему на волю: избрать для себя любое мѣсто и просить насъ о переведеніи туда“.

Палладій и послѣ этого продолжалъ писать, пока не попалъ въ монастырскую тюрьму. 8-го декабря 1794 г., по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго оберъ-прокурора, Императрица Екатерина II приказала монаха Палладія, писавшаго „дерзновенныя, наполненныя нелѣпостями бумаги, перевести изъ Сарова въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, гдѣ и содержать его подъ присмотромъ, не давая ему ни бумаги, ни чернилъ, а въ случаѣ дерзости или упрямства, наказывать заключеннаго по обычаю монашескому“¹⁾. Такъ саровскій публицистъ съ пустыннаго раздолья дремучихъ лѣсовъ попалъ въ тѣсныя казематы монастырскаго острога, оказавшись здѣсь однимъ изъ первыхъ въ длинномъ доходящемъ до нашихъ дней рядѣ монастырскихъ узниковъ, этихъ рѣдко нравственно испорченныхъ, по всегда „безпокойныхъ“ искателей правды на землѣ.

О средствахъ и мѣрахъ, принимавшихся въ монастыряхъ къ исправленію „подначальныхъ“ монаховъ, Теофилъ пишетъ: „Конечно, надо предавать ихъ силѣ и благодати Христа и Бога нашего, пусть Онъ, какъ благоволитъ, направляетъ ихъ; но по челоуѣчеству иногда нужно и побить ихъ палицею, въ силу Слова Божія: кротость ваша разумна будетъ всѣмъ челоуѣкомъ; здѣсь требуется, чтобы не была она безумной“. По отношенію къ порочнымъ монахамъ настоятели должны быть строги до послѣдней возможности, примѣняя къ нимъ такія даже для того времени суровыя наказанія, какъ, напр., заковываніе провинившихся въ желѣза. Въ своихъ наставленіяхъ настоятелямъ относительно „подначальныхъ“ Теофилъ особенно настаивалъ „съ ними не поступайте снисходительно, пока не угомонятся“, или: „поступайте съ ними, какъ возможно, строже, налагая на нихъ всякіе, по вашему разсмотрѣнію, труды и ежели окажутся буянами, содержать ихъ въ желѣзахъ“. Лица, въ священномъ

¹⁾ Архив. Св. Синода. Копіи съ Высочайш. указовъ 1794 — 1797 стр. 18, № 27.

савѣ сущія, при опредѣленіи „подъ начало“, обыкновенно, за-прещались къ священнослуженію, а иногда съ нихъ даже снимали монастырское одѣяніе до тѣхъ поръ, пока монастырское начальство не одобряло ихъ поведенія. Если наказаніе, налагаемое на порочнаго монаха, достигало своей цѣли: онъ началъ чувствовать свою вину, и „больше не было нужды наказывать, то, по словамъ преосвященнаго, слѣдовало употребить и ласку. Я видѣлъ,—свидѣтельствовалъ онъ,—такіе случаи въ Новгородѣ, когда люди симъ способомъ очень исправлялись“. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда „подначальные“ не обнаруживали признаковъ исправленія, Теофилъ часто отсылалъ такихъ въ другіе монастыри, а иногда предлагалъ уйти въ другую епархію. „Ежели вы, — пишетъ онъ саровскому строителю о присланномъ къ нему „подъ начало“ іеромонахѣ, — искусивъ его, ощутите какія-либо буйственныя и коварныя затѣи противъ вашего общежителства, то вы можете доношеніемъ представить о всѣхъ его затѣяхъ, и я буду принужденъ наградить его такимъ мѣстомъ, которое поневолѣ уговоритъ его и сдѣлаетъ благорасположеннымъ“. Въ 1807 году много порочныхъ монаховъ было „подъ началомъ“ въ Черніевомъ монастырѣ. Здѣсь они по-прежнему вели себя худо, не обнаруживая никакихъ признаковъ исправленія. Тогда Теофилъ рѣшилъ удалить ихъ оттуда. „И изъ Черніева монастыря, — писалъ онъ, — всю эту сбродню разсыплю по разнымъ мѣстамъ; да, можетъ быть, и строителю достанется; сей монастырь меня оскорбляетъ“. Если и эта мѣра не дѣйствовала, то преосвященный часто принужденъ былъ исключать неисправимыхъ изъ духовнаго званія. Говоря о саровскомъ монахѣ, за дурное поведеніе сосланномъ въ Вышенскую пустынь „подъ начало“, онъ замѣчаетъ: „можетъ быть тамъ онъ почувствуется, ибо ему сдѣланъ уже послѣдній искусъ; и если окажется негоденъ, то его ожидаетъ судьба другая. по крайней мѣрѣ, красная шапка; пусть еще тамъ попробуетъ своей удачи“.

И какъ преосвященный радовался, когда узнавалъ объ исправленіи провинившагося инока. „Объявите ему, — писалъ онъ саровцамъ объ одномъ такомъ, — мое истинное усердіе и благословеніе, объявите, что я, по себѣ смекая, истинно совѣтую ему то и впредь продолжать, ибо старость наша и дорога предъ глазами убѣждаютъ насъ хотя и въ единонадесятый часъ достойно поработать Христу и Богу нашему“. Но въ общемъ, кажется, больше огорченій, чѣмъ радостей, причиняли своему архипастырю эти недостойные члены его избранной паствы.

„Подлинно справедливо Божіе слово: много званыхъ, но мало избранныхъ Искренно признаюсь вамъ,—говорилъ онъ,—что я много мучаюсь этими хлопотами и не знаю, какъ съ развращенными управляться“.

IV.

Нѣкоторые тамбовскіе монастыри изстари владѣли болѣе или менѣе крупными участками земли; изъ нихъ сверхштатные удержали за собою землю и по утвержденіи штатовъ. Обладаніе недвижимыми имуществами всегда служило причиной и источникомъ великаго зла, бѣдствій и порицаній на монашество и монастыри, и прежде всего оно вносило большое разстройство во внутреннюю жизнь обитателей. Неизбѣжные споры изъ-за владѣнія съ сосѣдями, непріятности съ рабочими, возможная при этомъ волокита въ судахъ,—все это отвлекало монашествующихъ отъ главной цѣли ихъ жизни и непременно искажало духъ истиннаго монашества, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ лицахъ, которыя близко стояли къ управленію монастырскими имуществами.

Саровская пустынь, владѣя громаднымъ участкомъ земли, силой вещей часто втягивалась въ споры и судебные процессы съ сосѣдями, по необходимости переживая всѣ непріятности, съ этимъ соединившіяся. Понятно, это причиняло большое огорченіе прежде всего ея настоятелямъ, которые, охраняя достоинство своей обители, принуждены были отвлекаться въ сторону чисто мірскихъ дѣлъ и часто портить добрыя отношенія съ другими людьми. Не мало скорбѣлъ по сему поводу и преосвященный Теофилъ, который любилъ монашество, поскольку оно преуспѣвало въ нравственной жизни, и не могъ равнодушно относиться ко всему, что задерживало его внутреннее совершенствованіе. Во всѣхъ случаяхъ, когда въ Саровѣ начинались какія-либо недоразумѣнія изъ-за владѣнія землей, онъ всегда взывалъ къ благоразумію монашествующихъ, всячески располагалъ ихъ къ возможной уступчивости, лишь бы спорное дѣло не довести до суда и въ самомъ началѣ затушить разгоравшіяся страсти спорящихъ. Къ сожалѣнію, не всегда это ему удавалось. Такъ въ 1789 году у Саровской пустыни обострились отношенія съ крестьянами селеній Аламасова и Нарышкина, Нижегородской губерніи, которые захватили ея владѣнія. Теофилъ тогда совѣтовалъ саровцамъ употребить благоразуміе и терпѣніе, чтобы отвратить судебное дѣло. Но обстоятельства сложились такъ, что безъ суда обойтись не удалось. Дѣло это

кончилось весьма печально для крестьянъ, которые, по опредѣленію суда, за проявленное ими грубое насиліе были подвергнуты тѣлесному наказанію. Извѣстіе объ этомъ прискорбномъ фактѣ произвело тяжелое впечатлѣніе на преосвященнаго. „Со страхомъ и болѣзнію,—пишетъ онъ,—читалъ я сообщеніе объ этомъ“.

Изъ-за обладанія разными угодіями нарушался миръ даже между цѣлыми обителями, которые нерѣдко вступали между собой въ споръ о границахъ владѣній, начинали другъ противъ друга судебные процессы; отношенія между двумя монастырскими братствами въ такихъ случаяхъ обострялись, и безъ взаимныхъ ссоръ дѣло не обходилось. Въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія возникъ споръ между Саровской пустынью и Санаксарской обителью изъ-за рыбныхъ ловлей. Тому и другому монастырю, между прочимъ, принадлежали рыбныя ловли по рѣкѣ Мокшѣ. Такъ какъ по обычаю того времени границы земельныхъ владѣній отмѣчались весьма неопредѣленно, то недоразумѣнія на этой почвѣ всегда были неизбѣжны. И вотъ одной изъ обителей показалось, что другая владѣетъ ей принадлежащими рыбными ловлями; ссылаясь на планы и толкуя ихъ неясныя указанія въ свою пользу, она стала требовать возвращенія себѣ яко бы ей принадлежащаго владѣнія и всячески препятствовать другой пользоваться имъ. Дѣло это тянулось очень долго. Преосвященный Теофилъ, узнавъ о возникшей распрѣ между монашествующими, пишетъ Саровскому настоятелю: „съ прискорбіемъ моимъ воображаю я, что діаволь своей хитрой козвью почитаемыя святыя мѣста въ обителяхъ вашихъ сѣяніемъ своихъ плевелъ омрачаетъ и раздираетъ. Сіе непріятное эхо и свѣтскимъ устамъ къ разнымъ язвительнымъ изыграніямъ подаетъ причину, какъ то мнѣ случаи были слышать. Постарайтесь, любезный брате, сіе своимъ благоразуміемъ утишить, да свѣтъ вашихъ мѣстъ не затмевается предъ человѣки“. „Желаю вамъ,—пишетъ онъ въ другой разъ саровцамъ,—съ сосѣдями помириться; о семъ молю Бога. Санаксарскихъ я не оставляю увѣщевать, чтобы они поменьше держались приказныхъ завязокъ“. Благодаря наставленіямъ архипастыря и благоразумію саровскаго строителя Пахомія, обѣ спорящія стороны вскорѣ же путемъ взаимныхъ уступокъ стали склоняться къ обоюдному соглашенію. Нечего говорить, какъ пріятно было слышать объ этомъ преосвященному, который, какъ только получилъ объ этомъ извѣщеніе, немедленно писалъ Саровскому настоятелю: „получилъ я пріятное ваше письмо

съ изъясненіемъ о вашемъ вступленіи въ благое дѣло мира и согласія съ обителью Санакарской. Сердцемъ радуюсь и благодарю васъ за сей гостинецъ и желаю, да водворится навсегда миръ Христовъ въ сердцахъ вашихъ: что добро, что красно, еже жити братіи вкупѣ“. Но до окончательнаго примиренія на этотъ разъ дѣло не было доведено. Наоборотъ, взаимная распря, на время затихшая, вскорѣ еще болѣе усилилась. Тогда саровцы стали просить архипастыря, чтобы онъ самъ разобралъ ихъ дѣло и указалъ, кто изъ спорящихъ правъ, обѣщаясь всецѣло подчиниться его рѣшенію. Но такъ какъ спорное дѣло было весьма сложное и по характеру своему чисто юридическое, требовавшее спеціальныхъ знаній, чтобы въ немъ разобраться, то преосвященный уклонился отъ разбирательства. „Я искренно желаю вамъ, яко духовной братіи, мира и сіе всегда совѣтовать буду,—писалъ онъ имъ; но разбирать вашихъ письменныхъ дѣлъ по спорамъ вашимъ, не обѣщаюсь, ибо въ семъ пунктѣ не поставилъ меня Богъ дѣлителемъ надъ вами, кромѣ дѣлежу по любви“. Въ то же время онъ продолжалъ увѣщевать какъ саровцевъ, такъ и санакарцевъ, склоняя ихъ къ взаимному примиренію. „Что касается до меня,—сообщалъ онъ саровцамъ,—то я какъ вамъ писалъ и пишу, прося васъ о соглашеніи, такъ и къ нимъ то же дѣлалъ и дѣлаю. Но что дѣлать, когда духъ кротости моей въ семъ не успѣваетъ. Съ палицей пришелъ бы я къ вамъ, но не вѣдаю въ тѣлесныхъ и внѣшнихъ вашихъ дѣлахъ силы и писанія; можно ли мнѣ строгость употребить?“ Между тѣмъ время шло, а обители все не приходили къ добровольному соглашенію. Преосвященный продолжалъ держаться прежней своей тактики по отношенію къ спорящимъ сторонамъ, по-прежнему избѣгая властнаго вмѣшательства въ ихъ дѣло. У него были къ тому новыя побужденія. Теофилъ уже успѣлъ разобраться въ предметѣ спора и видѣлъ, что обѣ стороны не безъ вины. „Ежели бы мнѣ,—писалъ онъ саровцамъ,—вмѣшаться въ ваши дѣла, которыя теперь я уже разумѣю, то необходимо должно будетъ ударить въ лицо не только Санакарскую пустынь, но и Саровскую“. Изъ глубокаго уваженія и любви, которыя онъ питалъ къ Саровской пустыни, этого ему дѣлать не хотѣлось. Поэтому преосвященный предоставилъ спорное дѣло естественному теченію. „Авось и безъ нашего шума,—рѣшилъ онъ,—Богъ мира умиротворитъ взаимно сердца и дѣла ваши. Сіе будетъ лучше, ибо я въ миротворствѣ лицемѣрить не могу“. Уже шестой годъ проходилъ во взаимныхъ спорахъ Саровской пустыни съ Санакарской оби-

телью, а примиренія между ними, судя по обстоятельствамъ, и въ ближайшемъ будущемъ нельзя было ожидать. Тогда преосвященный поручилъ консисторіи тщательно разсмотрѣть спорное дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. „Но и она,—пишетъ Теофиль саровцамъ,—ничего больше не придумала, какъ только то, что закономъ слѣдуетъ вамъ разбираться въ Межевой канцеляріи. Но сіе,—замѣчаетъ онъ,—не безъ труда и не безъ обоюдной обиды. Да что дѣлать! Какъ заварили кашу, такъ и доваривать надо. А наилучше бы я далъ вамъ совѣтъ, которымъ пастырской моей любовью молю васъ о Господѣ оставить всѣ взаимныя неудовольствія; примиритесь терпѣливо и тѣмъ побѣдите подстрекающаго врага душъ нашихъ и утѣшите Христа, ожидающаго отъ любезнаго вашего стада взаимной любви и божественнаго единомыслія; симъ украсите предъ всѣми людьми прославляемый повсюду монашескій подвигъ и явите слѣды ваши по Христу достойными славы его и званія“. „Молю васъ усердіемъ моимъ пастырскимъ,—въ другой разъ увѣщеваетъ онъ саровцевъ,—сдѣлать Санаксарской обители, яко недостойнѣйшей, свое снисхожденіе и благосердіе“. „Старайтесь, Бога ради, духомъ кротости уговорить сіе ваше несогласіе, ибо во всю землю изыде вѣщаніе взаимныя злобы и раздоровъ между вами“. Такъ „свѣтскіе начальники вотъ что говорятъ мнѣ: ежели и между свѣтскими людьми несносна жадность, то между духовными она совсѣмъ де незаконна и нетерпима; саровскіе де монахи у нищаго послѣднюю суму отнимаютъ“. Чтобы побудить обѣ стороны къ соглашенію путемъ взаимныхъ уступокъ, преосвященный, между прочимъ, указываетъ имъ и на возможные вредныя послѣдствія распри для ихъ матеріальнаго состоянія. „Не хочу и не могу быть врагомъ,—пишетъ онъ,—а угадать могу навѣрно, что сіе междоусобіе до того доведетъ оба монастыря, что тотъ и другой будетъ сожалѣть о потерѣ хлѣба и въ бѣдности, нищетѣ останется невозвратно“. „Вмѣсто маленькаго кусочка земли или воды, всего вы должны будете лишиться. Тогда вы вспомните мое слово, но уже поздно будетъ вернуть потерянное“. Видя, что соглашеніе между обителями никакъ не налаживается, Теофиль уже былъ не прочь приписать Санаксарскій монастырь къ Саровской пустыни и тѣмъ устранить самую причину раздора. „Ежели бы сіе состояло въ моей волѣ,—писалъ онъ,—то я бы, конечно, въ такомъ случаѣ оба монастыря воедино совокупилъ, но сіе стоитъ высоты, а не нашего мудрованія“. Исчерпавъ всѣ возможные средства нравственнаго воздѣйствія на спорящихъ и не достигнувъ желаемаго результата,

преосвященный въ концѣ концовъ пришелъ къ такому заключенію, что споръ ихъ такого рода, который требуетъ прекращенія не духовнымъ, но плотскимъ орудіемъ. Вотъ до чего дошло между монахами! — замѣчаетъ онъ. Впослѣдствіи дѣло не обошлось безъ вмѣшательства свѣтскаго суда, который, наконецъ, на основаніи документовъ выяснилъ права каждой обители на спорныя владѣнія, и тѣмъ была прекращена болѣе чѣмъ восьмилѣтняя распря между монастырями.

Николай Орловъ.

